

Карнозова Людмила Михайловна

Ведущий научный сотрудник Сектора
проблем правосудия Института государства и
права РАН, кандидат психологических наук

Российское правосудие сквозь призму старого сюжета

Фильм Никиты Михалкова «12»

В основу сценария фильма положена пьеса Реджиналда Роуза, по которой был сделан американский фильм «Двенадцать разгневанных мужчин» Сидни Люмета (1957) г. и американский римейк 1997 г. В фильме Михалкова сохранена сюжетная канва: действие происходит в комнате присяжных заседателей, которым предстоит вынести вердикт о виновности или невиновности молодого человека, обвиняющегося в убийстве отца. Вердикт должен быть единодушным. Первоначально все присяжные за исключением одного проголосовали за то, что подсудимый виновен. И на протяжении фильма мы наблюдаем за тем, как одному человеку удастся переубедить остальных, и в конечном счете жюри выносит оправдательный вердикт.

Это – сюжетная схема, которая использована создателями фильма для исследования средствами кинематографа российского материала, актуальных российских проблем. Действие перенесено в сегодняшнюю Россию, присяжным заседателям предстоит вынести вердикт о виновности или невиновности чеченского юноши, обвиняющегося в убийстве приемного отца – российского офицера, воевавшего в Чечне и взявшего мальчика к себе после гибели его родителей. Фильм Михалкова получился многослойным, и простым и сложным, у него свои критики и поклонники. Но и те и другие обсуждали фильм горячо – видимо, задел за живое. На мой взгляд, фильм стал событием – не столько, возможно, кинематографическим (не уверена, что он будет интересен тем, кто присуждает премию «Оскар», хотя и получил специальный приз Венецианского кинофестиваля), сколько общественным. Этот фильм сделан не «для Запада», а для нас. Именно в этом контексте мне и хотелось бы его обсудить.

Начну с банальности: фильм отражает наше общество и проявляет такие его черты, которые – хотя все мы о них знаем – не выводятся, как правило, на первый план как его характеристические особенности. Национализм, ксенофобия, конформизм, равнодушие к другим, конвейерное существование и погруженность в собственную жизнь, не позволяющая «отвлечься» на исполнение общественных функций, нежелание вдумываться и брать на себя ответственность, псевдо-мышление, когда готовые схемы и лозунги (стереотипы разного толка) замещают понимание, рефлексию, готовность к анализу. Я говорю о банальности в том смысле, что все это очевидно, это

на первом плане. «Энциклопедия российской жизни» - сказано в одной из рецензий¹. Это про общество в целом. И про наше правосудие тоже. Но здесь не все так очевидно для зрителя (что я заключаю из рецензий, которые мне удалось прочесть, а также из обсуждений с рядом людей, принадлежащих к достаточно образованному кругу). Именно этот ракурс фильма мне и хотелось бы разобрать подробнее.

Правосудие: территория абсурда. В начале фильма мы видим, что заканчивается судебный процесс и пристав ведет коллегия присяжных заседателей к месту их совещания. «Надо успеть до большой перемены» - говорит пристав, персонаж Адабашьяна. «Не успели». Присяжные пробираются к месту заседания, к месту, где будет решаться судьба человека (а речь идет, по сюжету фильма, о пожизненном заключении в случае вынесения обвинительного вердикта) сквозь толпу пищащих детей. Мы погружаемся в пространство абсурда. Невольно всплывают картинки из «Процесса» Кафки: там главный герой идет в «суд», который располагается в каком-то странном доме, там появляются странные комнаты, странные персонажи, тот же писк и кривлянье каких-то нелепых детей. Ситуация абсурда усиливается, когда перед нами открывается место заседания присяжных – школьный физкультурный зал, внутри – обнаженные трубы теплотрассы, забытый в раздевалке бюстгальтер, запертое в клетке пианино, форточка, забитая мешком с цементом 1967 г.

Обыкновения. Мы (зрители) в самом начале погружаемся в атмосферу судебных обыкновений с помощью блестяще сыгранного Адабашьяном персонажа – судебного пристава. Он как бы с краю, вроде бы почти не заметно проходит по фильму и неназойливо, лаконично (но невероятно ярко) раскрывает перед нами то, как это «обычно бывает»: «минут за двадцать управитесь», «столько времени у нас никто не сидит», «заседают еще, такие старательные попались» и т.д.. Другой штрих: пара тарелок с бутербродами на столике – такая еда явно не рассчитана на длительное заседание.

Еще один персонаж, демонстрирующий нам то, как это бывает, – это присяжный № 2 (Н. Михалков). У меня вызвало невероятное удивление то, как воспринят герой Михалкова критикой и зрителями. То, что это не «просто художник» внимательный зритель может обнаружить не только в финале фильма, а ближе к началу – когда он, хотя и весьма скупно, говорит о себе: «На пенсии, акварельки рисую, иногда заседаю в судах». Да и остальные присяжные обратили внимание на его «опытность» и потому избрали его старшиной коллегии. И внимательный зритель настораживается, поскольку человек, который по Закону попадает на место присяжного заседателя путем случайной выборки, *не может* сделать подобное занятие более или менее систематическим, т.е. «иногда заседать» в суде. Эта настороженность обусловлена нашим российским

---

¹ Пробило ли «12»? // Лариса Малюкова обозреватель «Новой» 17.09.2007 http://www.novayagazeta.ru/issues/?auth=83&sb_a=1

контекстом – негативным отношением власти к суду присяжных, страхом перед ним обвинительной власти, да и судейского сообщества; недовольством оправдательными вердиктами, которое через некоторые СМИ тиражируется в общественное сознание, плохо информированное о том, как действует (должен действовать) суд присяжных. Несмотря на все противодействия, суд присяжных в России демонстрирует свою независимость. Резко контрастирующая с ненормально низкой долей оправдательных приговоров в российских судах (например, в 2007 г. - 0,8 %²) статистика оправдательных приговоров суда присяжных (около 15-20% в разные годы) держит обвинительную власть в напряжении, приведшему к случаям внедрения в коллегии присяжных заседателей лиц (в процессах, представляющих «особый интерес»), которые «помогают» направить решение в «нужное» русло.

Анатомия манипуляции. Так же, как члены коллегии присяжных заседателей, мы видим, что старшина вполне компетентен в формальной стороне процедуры совещания и следит за тем, чтобы не подвергать будущий *обвинительный приговор* (вначале такое решение казалось бесспорным) опасности отмены из-за процедурных нарушений. Поскольку он, как человек бывалый, в отличие от других присяжных знает, что хотя вердикт отмене не подлежит, но приговор суда вполне может быть обжалован и отменен из-за нарушения процедуры, в том числе нарушения права присяжных заседателей на выражение своего мнения. Он дружелюбен, на протяжении всего фильма не вступает ни с кем в конфронтацию, не спорит с теми, кто начинает сомневаться в виновности, терпеливо переголосовывает, уточняет позиции. Чтобы вынести обвинительный вердикт ему – профессионалу своего дела - не стоит спорить; нужно *объединиться со всеми* («я с самого начала понял, что парень невиновен»), продемонстрировать, что «мы тут все вместе», и мнение у нас одно, просто вердикт о виновности – это «самое лучшее, что мы можем для него сделать», поскольку «в тюрьме, он дольше проживет, чем на свободе». Старшина применил этот чисто манипулятивный и, как ему поначалу казалось, бесспорный ход. Психологически грамотный, точный - почти.

Он пережал. «И пока он будет в тюрьме, мы соберем людей, защитников, расследуем преступление, и когда подлинные виновники окажутся в тюрьме, мы его освободим». Красиво. Благородно. Никакого отношения к функции присяжных заседателей не имеет. Но при чем тут право? – речь идет о «подлинной» справедливости! Мне говорят: он (персонаж Н. Михалкова, но почему-то многие отождествляют его с самим Михалковым) с самого начала хотел помочь мальчику, он был искренен, а вот присяжные оказались мелкими, решили «легко отделаться», «всего лишь вынести вердикт» и вновь вернуться к своим делам. Напомню, функция присяжных только в том, чтобы вынести вердикт. Но посмотрим и с другой стороны:

---

² Данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Эта цифра включает в себя и оправданных судом присяжных.

неужели нормальный взрослый человек, «российский офицер» действительно столь наивен, что считает нарисованный им благополучный исход реальным? Дело даже не в том, что мальчик может повеситься в тюрьме, не выдержать издевательств и т.д. («судьба» философически замечает персонаж Михалкова), а в том, что доказать невиновность при состоявшемся обвинительном приговоре и, тем более, найти подлинно виновных в деле, где замешаны огромные деньги, - утопия. И я с ужасом вижу, как зрители попадают в ту же самую манипулятивную ловушку, что и присяжные, поверив в искренность этого профессионального манипулятора. Вспомним, кто-то из присяжных робко спрашивает, а кто, собственно будет этим заниматься. «Все мы, кому же он нужен, кроме нас?» - слышим мы демагогический ответ, который должен воздействовать на совесть присутствующих. И люди... стали оправдываться! Оправдываться в том, в чем оправдываться не должны! В том, что они выполнили свой долг присяжных, причем наилучшим образом, - и собираются вернуться к своей обычной жизни. Стали испытывать чувство вины. Все они прошли через катарсис, решение о невиновности чеченского мальчика было не только честным, человеческим, основанным на тщательном анализе самых разных аспектов ситуации, но и выстраданным, исходящим из глубин их душевной жизни и опыта, обращение к которым столь болезненно, что они всплывают лишь в крайних экзистенциальных ситуациях.

Но не в том задача присяжных, чтобы они меняли собственную жизнь, а в том, чтобы максимально честно вынести вердикт. При социализме нас стыдили, когда мы личное ставили выше общественного – и в этом «мы все и будем этим заниматься» повеяло чем-то очень неприятно знакомым. Не присяжные должны спасать и охранять невиновного освобожденного из-под стражи мальчика, а государство обязано гарантировать его безопасность. Во всяком случае, это более логично, реально и правомерно, не говоря уже о человечности, чем запихивать его в тюрьму с надеждой когда-то освободить.

Катарсис. Понятно, что с надеждой нереальной. Похоже, старшина презирал этих присяжных, «протрындели...». И, похоже, он, обличая их, сам попал в собственную ловушку. И с ним произошло это – то же, что *со всеми остальными*. Ситуация обсуждения вердикта обнаружила болевую точку, казалось давно зарубцованную рану – о его собственной судьбе, судьбе русского офицера, видимо, воевавшего в Чечне (в конце фильма он разговаривает с освобожденным мальчиком по-чеченски), который в довольно дееспособном возрасте сидит на пенсии и «рисует акварельки» и нужен государству, которому служил, лишь для того, чтобы изредка заседать в суде, помогая штамповать обвинительные вердикты. В одной рецензии я прочла, что нигде Никита

Михалков не играл так плохо, как в этом фильме³. Это если видеть в нем так называемого положительного героя. Но я-то думаю, нигде он не играл так здорово. В паузе, когда он не смог договорить фразу, о том, что русский офицер бывшим не бывает, перед нами прошла такая боль этого выброшенного за борт человека, которая сделала возможным его очищение и возрождение.

Коммуникация. «Как-то быстро очень» - так начинается остановка того экспресса судьбы, который – еще бы чуть-чуть – и раздавил жизнь чеченского юноши. «А что вы предлагаете?» - «Ну, поговорить хотя бы». В этом – в *деавтоматизации* - существо суда присяжных; вообще говоря, всякого суда – но как это возможно в обычном судебном конвейере? Уголовное правосудие – это место, где решается судьба. Здесь нельзя спешить, здесь надо остановиться и задуматься. Именно в проговаривании обнаруживается то, что поначалу оставалось незамеченным, или неважным, или просто забылось. Форма суда присяжных предполагает такое обсуждение. Присяжный № 1 (С. Маковецкий) не был столь «опытным», как старшина, он не очень понимал, какую процедуру предложить, он просто предложил «поговорить хотя бы».

«У нас никогда не будет права». Воспринимая персонажа Михалкова как положительного героя, «демократическая общественность» («демократические силы»), т.е. зрители считающие, будто придерживаются ценностей права (был подобный персонаж и среди присяжных), говорят о том, что фильм отрицает суд присяжных как правовое учреждение, коль скоро наш герой взывает к тому, чтобы они и после суда «боролись». Я пыталась показать, что это была чистой воды манипуляция со стороны старшины, что персонаж Михалкова - никакой не Михалков, никакой не положительный герой. Он, равно как и остальные одиннадцать человек (кто-то в большей степени – как герой С. Гармаша или М. Ефремова, кто-то в меньшей), прошел на наших глазах через глубочайший личностный кризис. Фильм показывает, что значит отказаться от стереотипов, как это невыносимо, как это больно, но единственная возможность добиться справедливости – то, что действительно в человеческих силах, - не петь в хоре всеобщего «одобрямса», а решать вопросы так, как мы решаем свои собственные

---

³ Присяжному № 2 приписываются политические амбиции самого Михалкова. Все это, по мнению одного из рецензентов, проявляется «в дрожании губ героя, которого играет Михалков, когда тот говорит, что русский офицер "бывшим" не бывает. В самом факте, что роль нового демиурга автор взял себе.... Это герой, утомленный людской непонятливостью, переполненный скорбью за происходящее в родных пределах. Он преподает пастве урок мудрости и неравнодушия — но паства не внемлет, и зло от этого умножается.

В течение всей картины герой Михалкова — председатель заседания — мало говорит. Он занят тем, что подсчитывает меняющийся расклад голосов, а сам упорно голосует за пожизненное заключение для подсудимого. В финале приходит его очередь, и в тихом голосе появляется металл, в невидном старце обнаруживается великая духовная мощь. Так задумано. Но роль резонера-оракула не удавалась еще ни одному актеру, и тем более ни один гений не может убедительно воплотить тупиковую идею. Именно здесь искусство, которым Михалков так безупречно владел все два с половиной часа фильма, ему изменяет: так плохо он не играл за всю свою артистическую карьеру. Это кадры, которым невозможно поверить: столько в них взято фальшивых нот и столько проскочило наигранных, неискренних интонаций» (*Кичин В.* Никита Михалков как художник и политик. www.film.ru). На мой взгляд, это не фальшивые ноты артиста, это блестяще сыгранная неудавшаяся манипуляция его персонажа. Я настаиваю на этой версии, хотя не знаю, что в действительности задумывал Михалков. Впрочем, и неважно, что он задумывал – но получилось это.

проблемы. Уметь слушать других и уметь оказаться лицом к лицу с самим собой. И праву это не противоречит. Ведь суд присяжных – это не суд народной толпы. Это правовая конструкция.

И еще один фрагмент фильма хочу напомнить в связи с темой права и неправа. Это рассказ одного из присяжных (А. Петренко) о своем дяде «террористе». Многими воспринимается этот эпизод как демонстрация того, что в России право не водится и «поэтому никогда у нас не будет права». Это формальное и наивное представление о праве и правопорядке. К примеру, во многих цивилизованных странах действует принцип целесообразности при возбуждении уголовного дела. Этот принцип действительно может быть крайне опасен в неправовом государстве. Но следует иметь в виду, что принцип этот означает не возможность возбудить уголовное дело при отсутствии на то законных оснований, а возможность *не возбуждать* дело в ситуации, где негативные последствия уголовного преследования будут превосходить негативные последствия самого деяния, или когда причиненный ущерб возмещен, и т.д. В приведенном примере дяди-«террориста» мы видим тот тип ситуации, который описывает известный норвежский криминолог Нильс Кристи. Соседи знают этого человека и знают, как сделать, чтобы конфликт был урегулирован. Это не «возмездное», а «соседское» правосудие⁴. Так решают люди, которым вместе жить. Мы привыкли к тому, что смысл правосудия в том, чтобы покарать. Фемида с повязкой на глазах, весами и мечом. Сегодня этот образ правосудия проблематизируется во всем мире. Нельзя подходить к решению судьбы с закрытыми глазами⁵.

Моралите⁶. Заключительный эпизод с воробышком, которого призывают самому решать, оставаться ли ему в неволе либо лететь на свободу и, возможно, там погибнуть, представляется мне излишним. То, что произошло с присяжными, достаточно для того, чтобы мысль об ответственности за свои решения проникла в наши души⁷. Точнее, воспримет ее в финале фильма лишь тот, кто уже понял и прочувствовал это. Возможно, кино – искусство грубое, и нужно еще и символическое закрепление главной мысли. И икона для того же. И слова по поводу милосердия в конце. Мне это кажется ненужным нагромождением, но поскольку фильм рассчитан на разнообразную зрительскую аудиторию, я могу понять благие намерения создателей. Это фильм-послание, фильм, который «хочет», чтобы его увидели и поняли все. Мне не понравились прямые морализаторские символы, которые демонстрируют недоверие

---

⁴ Кристи Н. Приемлемое количество преступлений. СПб.: Алетейя. 2006.

⁵ Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание: пер с англ. / общ. ред. Л.М. Карнозовой. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002.

⁶ Моралите - в средневековом западноевропейском театре – представление нравоучительного характера с аллегорическими, олицетворяющими различные добродетели и пороки, персонажами. (Словарь иностранных слов. М., 1987.)

⁷ В США принято рекламу нового фильма сопровождать слоганом. Слоган фильма «Двенадцать разгневанных мужчин» 1957 г. был таким: «they have twelve scraps of paper... twelve chances to kill!» («у них было двенадцать клочков бумаги... двенадцать возможностей убить»).

создателей фильма к зрителю, но они не перечеркивает того, что я прожила со всеми его героями за два с половиной часа.

«Это не соответствует процедуре российского суда присяжных». Так говорят некоторые юристы и те, кто осведомлен о процедуре в нашем, недавно возрожденном, суде присяжных. Например, в российском суде присяжных вердикт принимается не единодушно, а большинством голосов (при результате «6:6» решение принимается в пользу подсудимого). Или: в фильме присяжные проводили собственное расследование за пределами судебного заседания, что недопустимо; в фильме старшину выбирали непосредственно перед вынесением вердикта, в то время как по нашему закону его должны выбирать в самом начале судебного процесса. И можно найти еще множество несоответствий. Но это же не видеоприложение к учебнику по отечественному уголовному процессу. Это художественное произведение, это исследование жизни человеческого духа в предлагаемых обстоятельствах - сюжета и нашего столь несовершенного правосудия.